

ПУЦКО В.Г.

**ГЛИНСКИЙ ИГУМЕН ФИЛАРЕТ ДАНИЛЕВСКИЙ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

Розповідається про ігумена Глинської пустині, отця Філарета (Фому Данилевського, 1777-1841); подано уривок з опису Богородицької Глинської пустині, в якому йдеться про Філарета.

В истории Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии, вписавшей важную страницу в историю русского старчества XIX в., весьма почетное место занимает имя игумена Филарета, скончавшегося в 1841 г.

Игумен Филарет Данилевский

О многом говорит уже тот факт, что до самого закрытия монастыря летом 1961 г. ежедневно, при совершении Божественной литургии, на заупокойной ектении неизменно поминали “игумена Филарета с почившею братиею святых обители сия”.

Пуцко Василь Григорович - науковий співробітник Калужького обласного художнього музею, заступник директора з наукової роботи.

Хотя игумен и не был основателем пустыни, но ее возобновление и духовное возрождение связано в сознании многих поколений именно с его именем. Читателям жития преп. Серафима Саровского, несомненно, известен такой факт, относящийся к его кончине: *“В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2-го января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небо необыкновенный свет и сказал: “Вот так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!”*¹. В храме Глинской пустыни, у свечного ящика, висела на стене хромолитография, изображавшая это событие, увиденное морозным январским утром 1833 г.: здесь всегда помнили о своем святом земляке и почитали его память.

Об игумене Филарете существует несколько печатных работ, освещающих его жизнь и подвиги, в основном как настоятеля Глинской пустыни, учителя иноков и ревнителя святоотеческого предания². Были напечатаны и его поучения и наставления³. В данном случае вводятся в научный оборот материалы рукописного сборника, имеющего следующее заглавие, обозначенное в наклейке на обложке: *“Дело №255. Церковно-историческое и статистическое описание Глинской Богородицкой пустыни. Начато с 15 ноября 1820 года. Кончено 25 мая 1854”*. Имеет 136 лл., преимущественно большого формата, но также вплетены и различные деловые бумаги, адресованные игумену Филарету, и его автографы. Судя по всему, обозначенный номер соответствует архивной описи Глинской пустыни, где рукопись находилась до ее закрытия в 1922 г. При открытии монастыря в 1942 г. она туда уже не вернулась и находилась в частных руках до августа 1960 г., когда была приобретена в Глухове, где в те годы еще встречались остатки библиотек и архивов окрестных монастырей, вывезенные накануне их закрытия бывшими насельниками (преимущественно настоятелями, благочинными, казначеями) и переданные на хранение местным жителям. Вследствие смерти монахов, большей частью последовавшей в изгнании, книги и рукописи никем не были востребованы и, в лучшем случае, поступили в распоряжение местного духовенства. С введением в начале 1960-х годов практики перевода с одного прихода на другой (чего прежде не было) следы этих библиотек теряются.

Дело архива Глинской пустыни №255 отчасти было учтено в жизнеописании игумена Филарета, изданном в Одессе в 1905 г. Обращение к материалам этой рукописи авторов первых работ о Глинской пустыни мог отметить схиархимандрит Иоанн Маслов, пользующийся ею лишь опосредованно⁴. Окончание дела №255 предопределено *“Сведениями для церковно исторического и статистического описания Глинской пустыни”*, составленного иеромонахом Ионою, *“Записка”* которого датирована именно 25 мая 1854 г. По-видимому, это и есть якобы не сохранившееся *“описание Глинской пустыни 1854 г.”*⁵

В состав рукописи входит *“Описание Богородицкия Глинския пустыни”*, непосредственно следующее за письмами, которые адресованы еще игумену Филарету, косвенно датируемое 1829 г. (*“в настоящем 1829-м году”* - л.27). В текст включено весьма подробное описание жизни и трудов знаменитого настоятеля, следовательно, составленное еще при нем и по сообщенным им сведениям. *“Описание”* представляет тетрадь в лист серой плотной бумаги, состоящую из 30-ти исписанных четким убористым почерком скорописью листов, с разделением текста на 44 параграфа. Следовательно, оно написано еще до выхода из печати *“Исторического описания”*, составленного Н.Самойловым⁶. Переписка с последним также представлена здесь, начиная с его письма из Киева от 11 ноября 1823 г. Таким

Записки архимандрита Макария Глухарева, ныне причисленного к лику святых, представляют исключительный по своей ценности источник для жизнеописания игумена Филарета. Пересказывать содержание, подобно авторам печатных работ о глинском старце-настоятеле, нет смысла. Поэтому предлагается публикация текста с неизбежным упрощением орфографии, но с сохранением стиля оригинала.

¹Цит. по изд.: Летопись Серафима-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда. Сост. архим. Серафим (Чичагов). Изд. 2-е. - СПб., 1903. - С.178.

²Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. - СПб., 1856; Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. - 1892. - №№38-47, 50; Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. 2-е изд., испр. и доп. - Курск, 1892; Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежитильной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. - Одесса, 1905; Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни: (Память 31 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. - М., 1907. - С.355-402; Иоанн (Маслов), схиархим. Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI-XX веках. - М., 1994. - С.119-132, 140-189.

³До и после пострига: Поучения монахам Глинского игумена Филарета. 3-е изд. Глинской пустыни в перев. со слав. яз. - Курск, 1911; Наставления игумена Филарета Глинского // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII-XIX веков. - М., 1913. - С.598-610.

⁴Иоанн (Маслов), схиархим. Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI-XX веках. - С.19, 23-30.

⁵Там же. - С.31.

⁶Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей в курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством Общества истории и древностей Российских соревнователем. - Ч.1-II. - СПб., 1836.

Описание Богородицкия Глинския Пустыни (Извлечения)

§12

Когда на месте о.Парфения Преосвященный Феоктист поставил Иеромонаха Леонтия, который, вступив в монашество вдовым диаконом, находился до того времени при доме Архиепископа в должности икономической и не имел случая познать искусом собственным правила иноческих общежитий, явно показывал, что не мог и других руководить в исполнении правил сих; тогда монахи Глинские возскорбели о том, что добрыя начала их, под начальством о.Парфения положенныя, пресекутся, и не будут иметь продолжения и по согласию общем попросили Преосвященнаго вручить бразды правления в обители их иеромонаху Софрониевой Пустыни Филарету, как мужу известному им по житию духовному, и могущему наставлять их на путь Спасения. Сие прошение их постоянный Глинския Пустыни благодетель Майор Димитрий Севастианович Г.Бровцын подкрепил и усилил неоднократным писанием к преосвященному Феоктисту, свидетельствуя о безпристрастной и по всему справедливой к о.Филарету доверенности монахов Глинских, утверждал избрание их как своею, так и общею всех владельцев окрестных уверенностью в том, что о.Филарет может, при помощи Божией, возводить Глинское общежитие в совершеннейшее благоустройство, изъявлял усердную готовность свою усугубить всякия в его возможности состоящия пособия в нуждах обители, когда она о.Филарету будет вверена для возглавления; говорил между прочим: "О.Леонтий

сам признавался мне, что не может править монастырем общежительным и заключал: "Изведите из-под студа светильник, который многих на пользу должен быть". Сообразные сему прошению Г.Бровцына отзывы Преосвященный получив и от других дворян, повелел спросить строителя Софрониевой пустыни, согласен ли он отпустить Иеромонаха Филарета Глинской Пустыни на служение настоятельское, и как О.Варлаам изъявил согласие; то 1817-го года мая 11-го дня последовал решительный указ на вступление о.Филарета в должность строителя, по которому он июня 6-го и восприял ее от Иеромонаха Леонтия, не долее шести недель начальство державшаго. Поелику Глинская Пустынь свеще благословляемым тщанием О.Филарета получила полнейшее образование, то составляющий описания оныя вменяет себе в обязанность представить вниманию читателя те черты в жизни сего настоятеля, в которых можно видеть пути, какими промысел Божий приближал и привел его к служению настоящему: сии сведения собраны нами (Л.боб.) в сожитии и в разглагольствии с ним самим.

§13

О.Филарет родился 1777-го года от родителей благочестивых, в Польской Украине, и до вступления в монашество назывался Фомою. Еще в детские лета Фома имел отличную переимчивость на все полезное, и видя, что родители с братьями его разводят сад в лесу, порывался и сам подобное заведение сделать, и трудился над расчищением места для онаго. Примечая, как возрастные производили работы, снаряды и вещи разные в хозяйстве нужные, Фома и сам старался тоже делать по их примеру, и претерпев опыты безуспешные, достигал наконец некоторой удачи, от чего в нем желание учиться всему тому, что большие умели делать, еще более оживлялось, так что он ознакомился не только с ремеслами полу мужескому принадлежащими, но и самое искусство матери его в приготовлении снедей разного образа не укрывалось от наблюдательного внимания отрока. Между тем благочестие матери, которая с примерною точностию держалась правил церковных, и не только общие для всех посты хранила благоговейно, но и в самые понедельник мясоистия не вкушала пища мясной. Сию охоту к домоводству в отроке Фоме открывшуюся подчиняло высшим нуждам души безсмертной, и освящало словом Божиим и молитвою. Не позволялось Фоме не уснуть прежде вечерняго, ни поутру устремиться на дело какое-либо без утренняго молитвословия; а есть ли иногда ввечеру не удавалось ему исполнить обычнаго правила, то надлежало совершать утреннее сугубою мерою. В дни воскресения и прочих праздников родители поставляли детей своих пред Господом в храме Его; по возвращение из церкви в дом почтенная мать семейства (имя ей Феодосия) требовала от своих чад отчета, и вопрошала, что читали в церкви из апостола и Евангелия; и когда они не могли удовлетворить ее своим ответом, тогда сама повторяла пред ними слышанное, пересказывала повествование и учение Божественное удобопонятным для детских разумов образом, обличала рассеянность их, и наставляла на внимание Слову Божию и действиям богослужения. Сии-то, как вероятно, испытания матери раскрыли в душе Фомы, осмилетняго отрока, желание учиться грамоте и самому читать всякия книги церковныя. Как бы то ни было, только столь сильно было сие желание, что Фома в продолжении целой недели плакал, неотступно прося родителей, что бы в школу отдали его. Тогда они посоветовались, и Бога в помощь призвавши, упросили некую старицу, да

§14

Трехлетнее служение при дальних пещерах киевской лавры принесло ему многообразную пользу. Во-первых, искусство его в священнопении и ведение устава церковного достигло здесь опытной зрелости; во-вторых, сожитие с о. Трифилием, котораго по его должности начальнической, посещали многия великаго чина и звания люди, открывало Фоме таинства той многотрудной науки, которая состоит в познании и различении нравов и духов человеческих. о. Трифилий, который нередко по вечерам, проводивши гостей, беседовал с келейным послушником своим, Фомою, во время одного из таковых разглагольствий, спросил у него: *“Как ты думаешь о сих людях, которых я угощал теперь? Видел ли, как один лепетал непрестанно, а другой, в молчании и внимании, разглагольствовал с самим собою, а может статься и с Богом? Знай, что многословие перваго происходит от легкомыслия, а последний есть человек весьма благоразумный”*. Но пребывание в шуму многолюдства, волнующагося в киевской лавре и по пещерам ея, могло бы сделаться для Фомы пылкаго юноши бедственным, естлибь Господь не ограждал его хранением ангела Своего от заразы соблазна, естлибы страх Божий, благочестивым воспитанием насажденный в душе его, не был бодрственным в его совести стражем, соблюдавшим печать чистоты ненарушимою, и естлибы о. Трифилий (Л.7об.) не содержал его в неослабных муках уже монашеского послушания и под игом креста, от котораго естество человеческое стеноло, когда моглобы играть и неистовствовать. Кроме сего, те искушения, которым о. Трифилий подвергал Фому, раскрыли в характере юноши черты безмезднаго в служении людям усердия, любви к порядку и к чистоте во всем, и безкорыстной честности в распоряжении и хранении всего того, что поручали и вверяли ему. Исправляя дела, из которых можно было составить три должности и которыя весьма мало времени уделяли Фоме для сна необходимаго, он нетолько больших доходов не получал, но и для самага одеяния нужное долженствовал получать от своей матери. Вся келлия и икономия о. Трифилия была на руках у Фомы; надлежало всякую малость держать на месте приличном, и малая пыличка на стклянице могла превратиться в огромную гору ответственности. Фома приготавливал для гостей Трифилиевых кофе и чай; и от их утешения для Фомы оставались одни подонки без куска сахара. Но он существеннейшее утешение обретал в чувстве души, питавшейся самим делом служения, из склонности к домоводству, которая в сем служении находила многия и новыя для своей деятельности предметы и случаи. Сахар, пиво, вина, медныя деньги мешками, все лежало или стояло у ног Фомы; но добросовестность юноши прескакивала все сии искусительныя предлоги, не зацепляясь, так что о. Трифилий, который в продолжении целаго года преследовал его наблюдениями, наконец вышел из терпения, искушал его терпение, и однажды, угощая посетителей многих, дал его испытанным достоинствам открытое пред всеми свидетельство. *“Видите, сказал, сего послушника? Я целый год искушал его честность, послушание, точность и осмотрительность, и ниоднажды не мог облечить его в измене правилам сим”*. Фома, услышав сии слова, вострепетал в душе, и воздал Богу благодарение. После того, когда он был с о. Трифилием наедине, старец спросил у него: *“Как же ты думаешь? В какое желаешь поступить звание? И на какую должность находиши склонность в себе?”*. *“Хотел бы я, Фома ответствовал, в супружеском житии получить чин диаконства, естли на то была воля Господня”*. - *“Знай же, сказал о. Трифилий, что ты будешь монахом и начальником над монахами”*. Но в то время слово сие

казалось ему совсем несбыточным: ибо сан священства, обыкновенно соединяющейся с должностию начальника в соборе иноков, являлся для него страшным и неприступным, по высоким в строении таин Божиих обязанностям; к супружеской жизни манила его склонность к домоводству, а диаконство представлялось ему в восхитительных видах, по отличной его способности и охоте утешать и украшать святую церковь доброгласным, например, чтением Евангелия на амвоне, и благозвучным провозглашением ектении; определенной же к монашеству склонности он еще не примечал в себе, хотя она пред очами Господа Сердцеведца и выражалась уже в душе его попечением целомудрия.

§15

Промыслу Божию было благоугодно подвергнуть верность Фомы испытаниям новым, под рукою о.Трифилія последовали столь же благополучно выдержанныя искушения на свободе, в каковой юноша находился, когда, по требованиям обстоятельств своих, и по благословию (Л.8) о.Трифилія, удалился в страну черноморских воинов, где имел родственников. Там, служа при церкви войсковою в Екатеринодаре, Фома, как превосходными служению оному свойственными талантами, так и жизнью своею трезвенною и во всех отношениях благоразумною и непорочною, вскоре приобрел благоговение черноморцев; вскоре в их об устройении состояния своего намерениях и желаниях увидел открытый и удобный путь к исполнению мнимой своей к супружеству и диаконству склонности; и вскоре Господь, явным мановением перста Своего сокрыл от него все сии виды, и дал ему осязательное, так сказать, знамение и свидетельство во извещение, что Сам Он устроит путь его, и Сам поведет его. Фома сделался болен, и хотя, по крепости телосложения, еще не слег, однако был бледен, как тень, изсыхал, и едва на ногах держался. В сие время прибыли в Черноморье знакомцы его по лавре киевской, и видя его в таком разстройстве болезненном, посоветовали ему положить обет на путешествие в Киев, на поклонение Матери Божией и преподобным отцам перечерским в лавре. Так отвечал Фома: *“Я с радостію пошел бы в Киев, естлибы молитвами Матери Божией и преподобных отцев печерских хотя бы сколько небудь оправился”*. Уснул, почил, и возстал в совершенном здравии. Друзья, приветствуя его с чудотворной милостью Господнею, о разговоре прошедшего дня напоминали ему: он же, помыслив, что произнесенное в простоте сердца желание к призванию имени Матери Божией и преподобных отцев печерских принесло ему таковую помощь свыше, отложил человеческия внушения и предложения черноморцев добрых, пошел и пришел в святую Киевопечерскую лавру, которой имел намерение послужить в продолжении года во изъявление о исцелении своем благодарения Богу, Его Пречистой Матери и преподбным отцем печерским.

§16

Отцы и братія Киевопечерския лавры приняли Фому с великою благосклонностию, и поставили на клирос в великой церкви Успения Божией Матери; а Фома благосклонности их соответствовал усердным Божией Славе и пользе церкви святыя служением, в кротости и смирении. Добрыя всего собора мысли об нем возвышались до общаго намерения на всегда усыновить святой лавре сего трудника единовременнаго; но хотя с одной стороны желание быть при церкви

приходской диаконом и в супружестве охладело и омертвело в душе Фомы, когда особенная Божия милость возвратила его от гроба к жизни, а с другой стороны истинная склонность к иноческому званию начинала уже открываться в его сознании, быв вызываема любовию к отцу о.Антонию, который тогда находился в числе поющих братьев лавры и который ныне на свещнике церкви воронежския являет себя достойнейшим святителя Тихона Задонскаго преемником и в любви паствы наследником ибо Фома, /Л.8об./ не смотря нато, что тогда неимел еще случая войти в ближайшее общение с ним, уже такую к нему доверенность чувствовал, что помышлял в себе: *“Естьли бы мне надлежало вступить в монашество и притом в лавре Печерской, то я прибег бы к о.Антонию, и ему себя вверил бы в обучение иночеству”*; однако сия склонность была только слабым намеком намерения, которое в душе его еще не выговаривалось, потому что не находила места, где родиться оному промыслом Божиим было назначено. Ибо он в лавре, исполненной благословения Матери Божией и Христова благоухания святых отцев покоящихся в недре ея, видел много святаго, спасительнаго, любезнаго, восхитительнаго; но видел и в себе самом юность немощную, и в диаволе злобу древнюю, и себя самого боялся, страшился произнести невозвратный обет.

§17

Когда он в сей колеблющейся нерешительности находился, пришли в Печерскую лавру Софрониевой Пустыни братия, и ознакомившись с певцем Фомою, поведали ему об удаленном от мира уединении и о правилах своего общежития, об отце своем, Феодосии Архимандрите, о духовных связях старцев с учениками, о творениях Богомудрых отцев церкви, каковыми богато их книгохранилище: Фома слушал их так, как бы слышал о неземном некоем мире сказания, удивлялся, радовался, и тако в его произволении уже дверь в Пустынь Софрониеву отверзалась, как в предверии к царствию небесному. Но кто пригласил и ободрил юношу еще пристрашнаго устремиться ко ходу сему? В первую после онаго разглагольствия ноц, начальник Софрониевой Пустыни явился ему в сновидении. Авва сидел с избранными братьями, как Спаситель изображается на тайной вечери с апостолами, и взором любви отеческия Фому приветствуя, ко святому общению призывал его. Востав от сна, он обрел сладостный мир в душе и от всяких сомнений изъятое и огражденное предложение - итти в Пустынь Софрониеву, повергнуться к стопам Аввы Феодосия и приступить ко зучению алфавита духовнаго под руководством его. Через несколько времени после сего, случилось, что знаменитый вития российской церкви Протоиерей Леванда, в некий праздник, говорил слово в Печерской лавре. Главное проповеди было сие молитвенное к Богу воззвание псалмопевца: Скажи ми, Господи, путь, в онъ же пойду. Сие слово, как изощренная стрела любви Божественныя уязвила сердце Фомы; слезы полились из очей его; и как вития, в продолжении слова, изъяснял и раскрывал текст свой, несколько раз повторял: Скажи ми, Господи, путь, в онъ же пойду, то и бездна души юныя всякий раз отзывалась, и возглашала: Скажи ми, Господи, путь в онъ же пойду, и обильнейшие источники слез излевались из сей бездны пред Господом. Но и тогда, как умолк и сокрылся вития, внутренний глас в сердце Фомы не умолкал, восклицал: Скажи ми Господи, путь, в онъ же пойду. После сего, приходил ли он в великую, небеси подобную церковь на послушание, при первом его воззрении на святую икону Матери Божией и на Пречистый образ Ея Младенца Превечнаго, первая молитва: Скажи ми, Господи, путь в онъ же пойду, сама собою

излетала из глубины души его, и возлетала на небо. *“Господи, вещал он в сердце своем, ко сну отходя, аще тако есть благоволение пред Тобой, да вселюся в святую обитель оную; скажи мне, Господи путь сей, в онъже пойду, тако скажи, да услышу, и разумею, яко Ты одесную меня на сем пути, да неподвижуся (Л.9)”*, - и умелялся на ложе своем, и корабль произволения, уже готовый поступить в глубину жития монашеского стоял на котве (Якоре) детских веры и преданности воле всевышняго.

§18

Изшед из Киевской лавры, по извещению свыше, Фома пришел в Пустынь Софрониеву 1802-го года. Отец Феодосий принял его с любовью и радостно, и говорил некоторым из братьей: *“Сей брат упокоит душу мою; душа моя благоволит о нем”*. Сие к нему благоволение старца открылось тем, что через три дня после его прибытия он поставил его правителем лика певцев церковных, и в том же году ввел пострижением в чин монашеский, именовав Филаретом: ибо испытав совесть его и путь, каковым промысел Божий вел и хранил юность его, обрел в нем склонность и звание Божие к высокому житию сему искушенными; а новый инок, видевав таковую пришедшую на него милость от Господа, приял оную с благодарным смирением и в живом чувствии своего недостойнства. Потом о. Феодосий начал вводить инока Филарета в ближайшее и духовное с собою общение о Господе: в уединенных беседах наставлял его на правыя стези жития монашеского, подражающаго ангельскому; предъизвещал его об искушениях, каких ему ожидать надлежало; научал употреблять сильное против каждаго из оных оружие Божия; открывал способы владеть и действовать обоюдоострым мечем имени Иисусова, в отсечении помышлений злых; и дал ему для келейнаго чтения Вивлиофику таинственных учителей церкви, известную под именем *Добротолюбия*, показал, какія книги в оной были приличные и сообразны тогдашней мере и потребе его душевной, и каких ему не надлежало касаться до времени, как восхождений, принадлежащих высшим возрастам духовной жизни. Последуя руководству сему, инок Филарет читал и перечитывал Увещания Антония Великаго и Главизны Марка Подвижника; но и сии писания в начале представлялись ему дубравою темною, в коей ходя, новоначальный сей просил Бога, да пошлет свет Свой и истину Свою, да наставит и да введет его степенями деяния в святую гору Богоразумия; и чем усерднее подвизался в том деле послушания, которое Авва Феодосий возложил на него, чем более утверждался к любви к старцу сему, и чем прилежнейшее моление простирал к Богу, тем обильнейший свет разумения возсиявал в уме и сердце его. Но Отец Архимандрит Феодосий вскоре скончал течение временнаго жития на земли, оставив духовнаго сына своего Филарета под водительством престогаго старца, и назначив его к представлению Преосвященному Феоктисту на посвящение во иеродиакона, которое совершилось 8-го дня февраля 1803-го года.

§19

По кончине Архимандрита Феодосия, Софрониева Пустынь несколько времени находилась в состоянии смутном. В оное время иеродиакон Филарет, котораго поставили блюстителем устава церковнаго любовью к духовному отцу своему будучи подвижником и достохвальною по делу Божию ревностью распалем, претерпел многия бури и брани, в поддержании порядка богослужбнаго, Архимандритом

Феодосием учрежденного, и между тем как сии с людьми сражения его происходили (Л.9об.), надлежало ему иметь борьбу с самим собой, и особенно с необычайною сонливостию, которая точно со времени вышеписанного сновидения в Киевской лавре, в течении пяти лет тяготила его столь сильно, что он не редко погружался в дремоту невольную; но по действию заступления Божия, всякий раз отрясал ее и ободрялся, когда надлежало ему продолжать возглашение, и возглаголющее подобающее. 1806-го года Архиепископ Феоктист, по представлению строителя Исихия, рукоположил иеродиакона Филарета в священство; а собор пустыни Софрониевой поручил ему должность благочинного, с которою круг его деятельности разпространился; ибо с онаго времени всякия правила общежития, исключая относящиеся к икономии монастырской, стали входить в надзор и попечение о.Филарета, который в хранении сих законов отеческих собственным примером, по уставу, предшествовал братьям, будучи укрепляем таковою помощию и силою Божиею, что они боялись нарушением оных законов подвергнуться действию грозного, но всегда благоразумного и правого, слова и даже взора его. На конец сия усердная верность о.Филарета в соблюдении завещаний Аввы Феодосия, возрастая вместе с духовным его преспеянием, и усиливаясь от искушений, какия побеждала в защищении благих установлений Старца, соделалась в душе ученика его сокровенным путем общения с духом учителя, в Боге покоящимся, которое, когда в дванадесятый год по его преставлении, братия в день его памяти совершали панихиду над гробом его, разверзлось изливанием неудержимых и самодвижных потоков слезных, в чувствии радостоскорбном и явственном для души, испытавшей сие, но человеческими словами неизъяснимым.

§ 20

Дела послушания монастырского не ослабляли в о.Филарете внимания и тщания, с каковым он искал драгоценного любви Божией бисера, обретаемого в чистоте сердца. Старец, которому Архимандрит Феодосий вверил его, не пропускал ни одного представившагося случая к умерщвлению собственной воли его; а о.Филарет, хотя посещал его часто, однако держал сие сношение с ним под покровом ночи в глубокой тайне, так, что братия в продолжении шести лет и внимания на оное не обращали, и вообще любил от взоров человеческих утаивать дела, которыя хотел совершать пред очами Единого в тайне видящего и яве воздающего Бога. Проходя путем еще внешнего паче подвижничества, он жил среди братий в общем келейном здании; когдаже надлежало ему вступить на стезю совершеннейшаго искусства духовной жизни, тогда промысл Божий отвел его в уединенную келлию, которая была совсем не для него над глубоким яром в саду устроена. Там Отец Филарет простерся не токмо на чтение, но и на опытное познание тех твердую пищу содержащих учений в книге Добротолюбия, каковых исполнены главизны преподобных и благоносных отцев, Симеона Новаго Богослова, Григория Синайского, иноков Каллиста и Игнатия, и прочих учителей, изображающих житие сокровенное со Христом в Боге.

Там... но тайны царствия Божия да почтим благочестным молчанием - важнейшее, что совершалось там, не повергается на разпутии общего ведения. Имеющие (Л.10) духовный разум да разумеют оное изречение смерти и жизни: “Аще приблизился еси к страданиям, буди готов и на Крест”; да приникнут в содержание

следующия песни церковной, которую с того времени благодатию Божиею дано о.Филарету уразуметь и возлюбить: *“Тристаты крепкия, рождейся от девы, без страстия во глубине, души тричастное потоци, молюся, да Тебе яко в тимпане, во умерщвлении телесе, победное воспою пение”*, и да размыслят о благах, любящим Бога принадлежащих и в двадесят втором Псалме описуемых тако: *“Жезл твой и палица Твоя, та мя утешиста. Уготовал еси предо мною трапезу, сопротив стужающим мне, умастил еси елеем главу мою, и чаша Твоя упояваюци мя яко державна”*. Мы здесь токмо то можем поведать, что восхождение о.Филарета так раздражили диавола, что он не токмо воздвиг против него лютую злобу человеческую, которая старалась то порицаниями, то иными разнообразными оскорблениями поколебать на камени веры твердо стоявшею душу его, но и чувственными нападениями и страхованиями своими силился отвратить его от стези правды, мира и радости о Дусе Святе, и разжженные стрелы плотскаго вожделения метал против него с такою яростию, что некогда один взгляд женский встретившийся со взором его и душу его поверг в распаленную пещ искушения, и чувственное зрение его на несколько дней поразил болезнею. Воин Хрестов разрушал все сии козни и человеческия, и бесовския, силою Божиею, и все сии искушения внешняя и внутренняя претерпевая пребывал неусыпно на страже как внешнего послушания, так и внутреннего делания в хранении сердца и целомудрия; Господь же сию верность и мужество победоносное украшал знаменами Своего благоволения в благодатных утешениях и озарениях и в даровании ему глагола, многим благовестующего спасение силою мноюю. Тогда ищущие Господа братия начали прибегать к нему, и получали из уст его полезнейшие советы и духовныя наставления, которыя разрешали разныя их недоумения, предохраняли неопытных от опасностей, ободряли и вразумляли искушаемых и колеблющихся. Впрочем он принимал сих братий и помогал им в немощах их, по воле начальника и по благословлению старцев своих, которые самому ему помогали в искушениях, скорбях и нуждах его: ибо лишившись перваго своего по Феодосие Архимандрите руководителя, он не остался в своевольной независимости, но сам себя покарял опытности благоговейных отцев, и особенно древняго старца Феофилакта, в схиме нареченнаго Феодотом, который по незлобливой кротости и простоте, не усумнился принять и от о.Филарета некий совет духовный, паче же преподобнаго Григория Синайскаго учение о молитве сердечной во имя Господа и Иисуса Христа, усердно приступил к исполнению онаго правила, и за месяц пред исходом своим их сея жизни возблагоухал благодатию Божиею, как сие тогда ощутить дано сему же самому ученику его (Л.10об.).

§21

В продолжении пятнадцати лет пребывания в Софрониевой Пустыни до исхода в Глинскую на служение, о.Филарет украсил первую изящными памятниками трудолюбия своего и в нотных книгах, которыя написал собственною рукою и тщательнейшим уставом, и во множестве плодоносных деревьев, которыя насадил в обширных садах монастыря сего, и в тех братиях боголюбезных, которые его учением, любовию и примером назидательным пользовались. Не токмо сии, но и другие братия, не столь хорошо знавшие о.Филарета, скорбели, когда настало время проститься с ним, когда они ввели его в церков соборную, дабы напутствовать

отходящего миром и добрыми желаниями, когда спустили чудотворный образ Божией Матери, и о. Варлаам, настоятель, обратился к о. Филарету с иконою сообразною чудотворной, благословляя его оною от лица всей Софрониевой обители, а другой старец свещу вручил ему в знамение желанья, да просветиться свет его пред человеками, да видят добрыя дела его, и прославят отца Небеснаго тогда некая непобедимая сила благодати Божией коснулась сердца их благодать Пречистыя Богородица смягчила души, и восплакали богословлявшие с благословляемым, и во время утешения братолюбнаго, которое следовало за сим священнодействием, с водою сладкою слезы сладчайшия смешивались. За год пред тем братия Софрониевой Пустыни предлагали о. Филарету должность строителя в оной, но он желанию их не соизволил, Богу тако предназначавшу его для блага Глинской обители.

§22

Первым делом отца Филарета, по восприятии начальства в Глинской Пустыни было удаление деревенских скотниц, которым прежде на внешнем дворе монастырском были поручаемы службы по икономии, и решительное женскому полу воспрещение входа в келлии братий. Сколь благотворно для обители оное установление, всякий может судить, кому известны бедственные падения высоких столпов церковных, презиравших сильныя бури искушений бесовских, слабыми же руками женскими поверженных в глубокий ров нечистоты и смрада, кому известно, что и малая искра телесной страсти производила пожары ужасные, которые истребляли великолепныя и многолетным трудом и потом воздвигнутыя храмины добродетелей. Но о. Филарет не мог бы сего пути в стадо свое пресечь волкам душегубительным, естли бы сам собою не воспретил того же, что возбранил для братий своих. Итак он прежде сам затворил и безусловным прещением оградил на всегда дверь своей келлии от посещений женских и таким образом возмог примером своим увлечь и немощнейших в покойнейшее пристанище строгаго уединения, хотя сей подвиг в начале вооружал против него многие умы легкомысленные и языки злоречивые не только в самой обители, но и в кругу мирских людей, а паче женщин.

§23

Вскоре Софрониевой Пустыни братия, одим за другим, духовною о Господе любовию к о. Филарету влекомые, и подвижники из других общежитий, и званием Божиим из волн суеты века сего на поприще (Л.11) иночества изводимые люди мирские начали притекать в Глинскую Пустынь и водворяться в ней. Ибо хотя настоятель ея, стесняемый в благих желаньях пределами штата малочисленнаго, сверх седми братий не дерзал никого возводить в средний чин иночества, отличаемый мантиею; однако в круг общежития своего мог принимать всякаго, к иному месту законом не привязанного, и с чистым свидетельством о свободе своей предающагося в спасительную неволю послушания и истинныя Божиих чад свободы в духе Христовом взыскающаго, с надеждою во время благоприятное получить и внешния знаменья обетов иноческих. Таким образом собор братии у о. Филарета со дня на день умножался, усиливался и укреплялся душами Боголюбивыми, которым промысел Божий в самую неизвестность искомаго пострижения, как средства к отсечению связей с миром, обращал в пользу, в начале утверждал их на основании

самоотвержения внутреняго и воли собственной отсечения, и тако приготавливал к истеннейшему и чистейшему восприятию внешняго образа ангельскаго. Тогда о.Филарет начал с единомысленными братьями мало по мало и разномыслящих приучать к правилам, которым и сам обучился в Софрониевой Пустыне; начинал с легкаго и, по видимому, неважнаго; а получив успех от первых прикосновений и опытов, простирался к установлениям, которые уже не столь скоро укоренялись на земле Глинской; неудовольствия старых братий укрощал разными утешениями; находил иногда нужду и в отступлении благопристойном, но для того, чтобы после сильнейшим натиском разстроить и победить скопившеюся толпу противления. Правда, еще предшественник его, о.Парфений, прилагал тщательное старание об улучшении Глинской Пустыне чина богослужебнаго, который во время его правления, по некоторым частям, получил устройство благовидное и полезное; но сии начинания, которые впрочем дали братиям время познать блага порядка добраго, разрушились бы, по исходе его из сей обители, естлиб о.Филарет иных из его заведений еще не определенных и колеблющихся не оставил на твердом основании священнаго и древняго правила, богомудрыми отцами афонскими преданнаго, естлиб других не заменил согласнейшими с правилом оным и лучшими, естлиб всему ходу священнодействий, пений и чтений церковных не дал той стройности, того истиннаго благолепия, в котором разнообразие закону единства подчинено, и в котором единство выражается разнообразием. Тако входил устав, и с уставом благословение Святыя Горы Афонския и Пустыни Софрониевой входило в Глинскую Пустынь. Многие из провождающих благочестивую жизнь среди мира, знавшие о.Филарета, по слышанию о житии его в Пустыне Софрониевой, видя его в подвиге настоятельскаго попечения, радовались духом о святой церкви российской (Л.11об.), стяжавшей от Господа еще единую на камени божественных заповедей созидавшуюся общежительную обитель, и многие содействовали строителю сего пустыннаго дома Матери Божией доброжелательными приношениями, другие же, токмо услышав, что сей муж промыслом Божиим изведен на совершеннейшее возстановление и обновление Глинской Пустыни, издалеча посылали в оную Господу посвященныя дары, так что о.Филарет в самом начале служения своего получил из Москвы от одного из любителей общежительнаго монашества, именно от купца Павла Ивановича Глинскаго, сто пудов железа в листах, и вскоре устроил и покрыл краскою новый кров на церковном и колокольном здании.

There is viewed the lifeline of Filaret (Foma Danylevsky, 1777-1841), Father Superior of Glinskyi monastery; there is given a fragment of description of Bogorodskiy Glynskiy monastery with information about Filaret.

Отримано 11.02.2007.